

ПЯТЬ ТЕЗИСОВ ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ*

Пять тезисов об институциональных изменениях – это:

1. Ключевым для институциональных изменений является непрерывное взаимодействие между институтами и организациями в экономической среде с ее редкостью и, следовательно, конкуренцией.
2. Конкуренция вынуждает организации постоянно инвестировать в навыки и знания, чтобы уцелеть. Навыки и знания, приобретаемые индивидами и их организациями, будут формировать более глубокое понимание альтернативных возможностей, а значит, выбора, который изменит институты.
3. Институциональная структура обеспечивает стимулы, которые диктуют виды знаний и навыков, приобретаемых для получения максимального выигрыша.
4. Понимание всего этого вытекает из менталитета действующих лиц.
5. Экономия от масштаба, комплементарность и сетевые экстерналии институциональных форм делают институциональные изменения инкрементными (incremental) и зависящими от пути развития (path dependent)**.

ЧАСТЬ I. ОБЪЯСНЕНИЕ

I

Изучение институтов и институциональных изменений неизбежно влечет за собой в качестве первоочередного требования концептуальное отделение институтов от организаций. Институты – это правила игры, организации –

* Я выражаю признательность за усовершенствование этого очерка по сравнению с черновиком участникам семинара по экономической истории и, в особенности, Полю Дэвиду и Эвнеру Грайфу, коллегам по Вашингтонскому университету Ли Бенхему, Арту Денцау, Трайн Эггертссон и Джеку Найту, а также Элизабет Кэйз за редактирование очерка.

** Термин “инкрементный” означает “имеющий отношение к приросту, приращению”. Под этим понимается постепенное преобразование старых институтов в новые в процессе институциональных изменений. Зависимость от пути развития, по Норту, заключается в том, что происходящее преобразование и формирование институтов определяется траекторией развития, т.е. связано с поступательным или возвратным характером движения. – *Прим. перев*

игроки. Взаимодействие между ними обоими принимает форму институционального изменения.

Институты представляют собой ограничения, которые люди налагают на взаимодействие между собой. Они состоят из формальных правил (конституции, общее право, право, выраженное в законодательных актах, регулирование) и неформальных ограничений с их механизмами принуждения. Эти ограничения определяют (вместе с традиционными ограничениями экономики) совокупность альтернативных возможностей экономики.

Организации состоят из групп индивидов, связанных между собой общими целями. Примерами экономических организаций служат фирмы, профсоюзы, кооперативы; иллюстрациями политических организаций являются политические партии, сенат, управленческие службы; примерами социальных организаций служат религиозные общины, клубы. Отличительные особенности будущих организаций предопределены альтернативными возможностями, которые обеспечены институциональными формами; предприниматели, создающие организации, производят институциональные изменения, потому что они обретают новые или видоизмененные альтернативные возможности. Они производят их путем изменения правил (прямо – в случае политических организаций; косвенно – при экономических или социальных организациях, оказывающих давление на политические организации), либо путем умышленного, а иногда неумышленного изменения видов или эффективности правил или же эффективности санкций и других мер неформального ограничивающего принуждения.

Неформальные ограничения будут изменяться, поскольку организации в процессе взаимодействий создают новые неформальные средства коммуникации и, следовательно, формируют новые социальные нормы, а также обычаи и правила поведения. В ходе этого процесса “устаревшие” неформальные ограничения будут потепенно отмирать и заменяться новыми.

II

Новые или видоизмененные альтернативные возможности могут пониматься как результат экзогенных изменений внешней среды, которые меняют относительные цены для организаций или последствия внутренней конкуренции между организациями в государстве и в экономике. В обоих случаях повсеместность конкуренции в общей экономической установке на редкость побуждает предпринимателей и членов их организаций инвестировать в навыки и знания. Обучение ли это в процессе работы или приобретение знаний на стороне, ключом к выживанию служит повышение эффективности организации по сравнению с ее соперниками.

В то время как праздное любопытство, несомненно, является у людей естественным источником приобретения знаний, степень накопления знаний опре-

деленно связана с выигрышами. Устойчивые монополии, являются ли они политическими или экономическими организациями, не должны ради выживания заботиться об усовершенствованиях. Но фирмы, политические партии или даже учреждения системы высшего образования, сталкивающиеся с конкурирующими организациями, должны прилагать усилия для повышения своей эффективности. Когда конкуренция “приглушена” (по любым причинам), организации будут иметь меньше стимулов инвестировать в новые знания и, как следствие, не вызовут быстрых институциональных изменений. Результатом этого будут стабильные институциональные структуры. Сильная конкуренция между организациями ускорит процесс институциональных изменений.

III

В предыдущем тезисе (тезисе 2, разъясненном в предыдущем параграфе) не учтены ни эволюционный прогресс, ни экономический рост, а только лишь коммунация. Институциональная форма определяет совокупность альтернативных возможностей таким образом, что она делает более высокими выигрыши от перераспределения дохода в экономике или обеспечивает более высокие выигрыши от экономической деятельности. В то время как каждая экономика предлагает множество стимулов для обоих типов деятельности, их удельные веса (как стимулов к перераспределению, так и стимулов к производству) являются решающим фактором для характеристики экономики. Возникающие организации будут отражать структуру выигрышей. Более того, в той же степени будут отражать лежащую в основе этого структуру стимулов и их инвестиции в навыки и знания. Если самая высокая в экономике норма прибыли ведет свое происхождение от пиратства, мы можем ожидать, что организации будут инвестировать в навыки и знания, которые сделают их более совершенными пиратами. Точно так же, если имеется высокая отдача от производственной деятельности, мы будем ожидать, что организации направят ресурсы на инвестиции в навыки и знания, которые увеличат производительность.

Очевидно, что непосредственные инвестиции экономических организаций в профессионально-техническое образование и обучение по месту работы будут зависеть от получаемых выигрышей; но еще более существенное влияние на будущее экономики оказывает степень инвестирования в официальное образование, обучение, распространение знаний, а также в прикладные и фундаментальные научные исследования, которые отражают представления предпринимателей из политических и экономических организаций.

IV

Ключом к выбору, который совершают индивиды, является понимание, зависящее от способа интерпретации получаемой информации. Умственное

устройство индивидов, позволяющее объяснять и интерпретировать окружающий их мир, частично является результатом их культурного наследия, частично – результатом “локальных” повседневных проблем, с которыми они сталкиваются и должны решать, а частично – результатом обучения общеобразовательного характера. Ясно, что при интерпретации внешней среды сочетание этих источников различно, как, например, у члена племени папуасов, с одной стороны, и экономиста из Соединенных Штатов – с другой (хотя нет уверенности, что понимание последнего не зависит от его культурного наследия).

Смысл предыдущего абзаца состоит в том, что индивиды с различным уровнем подготовки будут интерпретировать одни и те же факты по-разному; следовательно, они могут делать разный выбор. Если информационная обратная связь о последствиях выбора была “полной”, то индивиды с одинаковыми функциями полезности скорректируют свои представления и со временем приблизятся к общему равновесию; но, как кратко выразился Фрэнк Хан, “существует бесконечное множество необоснованных теорий о том, что экономические агенты могут действовать вне беспрестанного столкновения с событиями, которые побуждают их к изменению теорий” (Hahn, 1987. P. 324). В результате возможна множественность равновесий, обусловленных разным выбором экономических агентов с идентичными вкусами.

V

Жизнеспособность, прибыльность и действительное выживание организаций в обществе обычно зависят от существующих институциональных форм. Именно институциональная структура их создала, а также сконструировала сложную сеть взаимозависимых контрактов и других взаимоотношений. Отсюда следует два вывода. Институциональные изменения обычно являются инкрементными и зависящими от пути развития.

Они являются инкрементными, потому что крупномасштабные изменения могли бы навредить существующим организациям, и поэтому встречают сильное сопротивление. Революционные изменения происходят лишь в случае “автомобильной пробки” среди конкурирующих организаций, которая препятствует их способности извлекать выгоду.

Область инкрементных институциональных изменений будет определяться существующими институциональными формами и обуславливаться теми видами знаний и навыков, в которые предприниматели и члены их организаций осуществили инвестиции, т. е. институциональные изменения будут зависеть от пути развития.

ЧАСТЬ II. ДИСКУССИЯ

VI

Докажем каждый из пяти тезисов.

Тезис 1. Изучение институтов было запутано неопределенностью терминологии. Невозможно разрабатывать теорию институциональных изменений, в которой смешиваются правила игры и сами игроки.

Институты – это правила игры, а организации – это игроки, и они требуют разного моделирования для понимания способов их действия и взаимодействия. Моделирование институтов – это моделирование созданных человеком ограничений взаимодействия между людьми, которые определяют структуру стимулов общества. Моделирование организаций – это теоретизирование по поводу структуры, руководства (включая ограничения, определяющие структуру внутренних стимулов организации) и политики, направленной на определение целей организации.

Поскольку индивиды являются экономическими агентами, для них типично то, что в их компетенции как части организации находится принятие решений, которые меняют правила игры или постепенно создают новые неформальные ограничения в процессе взаимодействия людей.

Тезис 2. Этот тезис уточняет фундаментальный постулат экономики и особым образом применяет его к организациям в экономике. Однако он переносит акцент на то, что в основе функционирования экономики и общества лежит запас знаний, приобретаемых индивидами; изменения в этом запасе знаний являются ключом к эволюции экономики. Подъем западного мира был в конечном счете следствием тех видов навыков и знаний (не только “производственных знаний”, но и в значительной мере знаний о военных технологиях), которые считались ценными для средневековых экономических и политических организаций. Узловым пунктом является то, что важное влияние на эволюцию институтов оказывает обучение индивидов и организаций.

Тезис 3. Институциональная форма отражает рыночную власть тех, кто способен создавать или изменять правила. Их представления с учетом выгод от политики перераспределения или производства принимают форму правил игры и совокупности проистекающих из них альтернативных возможностей. Эта совокупность альтернативных возможностей в свою очередь формирует представления о тех видах навыков и знаний, которые приведут к выигрышу. На всем протяжении истории игроки чаще всего не понимали игры, потому что, говоря высоким слогом, на их долю выпадали войны, эксплуатация (такая, как рабство), формирование монополий и т.д.; как следствие, инвестиции в навыки и знания были небольшими, ввиду продолжения такой политики. В противоположность этому понимание того, что существует большой выигрыш от инвестирования в навыки и знания, которые делают индивидов, орга-

низации и экономику более продуктивными, выразится в долгосрочном экономическом росте.

Тезис 4. Откуда происходят представления, которыми располагают люди? Неоклассическая теория просто перескакивает через эту ступеньку благодаря допущению, будто люди знают, что они делают. Это может быть верным при оценке альтернативных издержек в супермаркете; но это чрезвычайно некорректно, когда приходится делать более трудный выбор в мире со сложными проблемами и неполной информацией, в котором для анализа проблем и интерпретации этой неполной информации используются субъективистские модели.

Что мы понимаем под рациональностью, требующей ясно сформулированного определения для ученых, изучающих общество вообще, и в особенности для тех, кто применяет модели рационального выбора? Если мы стремимся использовать теоретический подход выбора, мы должны не сомневаться в том, каким образом люди приходят к тому выбору, который они осуществляют. Точное определение требует, чтобы люди из субъективистских моделей обладали способностью интерпретировать и воспринимать информацию.

Тезис 5. Почему экономика не может повернуть свое направление внезапно? Это, несомненно, является головоломкой для мира, который действует так, как предполагает неоклассическая теория. В неоклассическом мире внезапное радикальное изменение было бы непосредственным результатом радикального изменения в относительных ценах или результатах деятельности. Тогда верно, что в случае массивного давления происходит внезапное изменение в институтах, подобное нарушению моделей равновесия в эволюционной теории. Но это просто факт, что подавляющее большинство изменений является бесконечно малым и постепенным. Мы готовы согласиться, но почему соглашаемся с чем-то, что несовместимо с той теорией, которую мы применяем? Революции экстраординарны, даже когда они со временем дают обратный ход в силу того, что в них было гораздо меньше революционности, чем декларировалось первоначально.

Зависимость от пути развития не может означать ничего большего, чем то, что вчерашний выбор является отправным пунктом для сегодняшнего. Но зависимость от пути развития оказывается значительно более фундаментальной детерминантой долгосрочного изменения. Трудность коренного изменения пути развития очевидна и убеждает в том, что процесс познания, с помощью которого мы создаем сегодняшние институты, ограничивает будущий выбор. Институциональная структура строится на основе совокупности ограничений с учетом обратных изменений, которые влияют на выбор.

ЧАСТЬ III. АЛГОРИТМ ИССЛЕДОВАНИЯ

С этими пятью тезисами об институциональных изменениях мы можем разработать особый алгоритм изучения институтов, который различен для моделей теории игр и пространственных политических моделей институтов. В центре внимания здесь находится концепция транзакционных издержек и когнитивный подход к “рациональному” выбору. В то время как первый – подход транзакционных издержек – по крайней мере частично взаимосвязан с подходами теории игр, второй предполагает значительное отклонение от большинства нынешних теорий рационального выбора. Давайте обратимся к каждому подходу.

VII

Теория игр может определить условия, которые обеспечат благоприятную среду для более сложного политического и экономического обмена, важного для экономического роста. Поэтому теория игр является основным инструментом, помогающим нам детально изучить проблемы сотрудничества, которые поставлены на повестку дня. Однако она не говорит нам, как достигнуть таких результатов. Меня интересует, как складывается такое сотрудничество, и почему оно не происходит при других обстоятельствах. Я полагаю, что предметом исследования, которое должно быть предпринято, является эволюция институтов и особый способ их влияния на транзакционные и трансформационные издержки.

Понимание эволюции институтов влечет за собой гораздо более глубокое понимание взаимоотношений между институтами, познанием и организациями, чем мы имеем сейчас. Заявление, сделанное мной (North, 1990, гл. 9), состояло в том, что институциональная структура не только диктует совокупность альтернативных возможностей, определяющих тип будущей организации, но и создает стимулы, которые будут формировать виды навыков и знаний, в которые организация осуществит инвестиции. Так какие же виды навыков и знаний приведут к устойчивому экономическому росту, а какие – к стагнации? Со времени “революции” человеческого капитала 1960-х ответом на этот вопрос были инвестиции в образование как официальное, так и на рабочем месте. Ясно, что существует взаимосвязь между инвестициями в образование и экономическим ростом (к сожалению, страны третьего мира часто ошибочно направляли инвестиции скорее в высшее образование, чем в начальное, которое имеет более высокую социальную отдачу). Акцент на официальное образование отражал точку зрения, что существовала взаимодополняемость между физическим и человеческим капиталом: инвестиции в образование были важны, чтобы можно было реализовать потенциал современных технологий. Широко распространенный оптимизм относительно того, что образование было решением проблемы экономического роста, отразило

президентское обращение Ричарда Истерлина к Ассоциации экономической истории в 1980 г. (Easterlin, 1981). Однако, несмотря на то, что инвестиции в образование могут быть необходимым условием, они не являются достаточным условием, как свидетельствуют факты из стран третьего мира и, особенно, экономик Восточной Европы. Собственные данные Истерлина (и его дискуссия) указывают на такие бедные страны, как Румыния и Филиппины, которые имели длительную историю инвестиций в образование сверх порогового уровня; так что он провел бы различие, но не получил бы в качестве результата устойчивый рост; бывший Советский Союз имел как высокий уровень образования, так и квалифицированную рабочую силу. В равной степени важными являются стимулы, которые побуждают экономические и политические организации осуществлять инвестиции в производственные институты.

Актуальной проблемой является значение современной политики. Каким образом мы получаем институты, которые обеспечат устойчивый экономический рост? Возникнут ли они автоматически, если мы достигаем “справедливых цен”? Смысл моих пяти тезисов обеспечивает лишь слабый аргумент в пользу такой точки зрения. Природа зависимости от траектории движения, характеристики политических рынков и менталитет игроков создают существенные препятствия для успешного экономического роста.

Мы попросту игнорировали зависимость от траектории движения. Одной из наиболее фундаментальных исторических закономерностей является неизменность систем человеческого взаимодействия, которые вскрывают глубинные источники поступков. Историки в большинстве своем скорее принимали это постоянство без доказательств, чем делали его предметом исследования. Brian Arthur (1989) и Paul David (1985) обратили наше внимание на этот феномен при технологических изменениях и связали его с характеристиками возрастающей отдачи технологий, которая формирует зависимость от траектории движения. Косвенно они подтверждали, что такие же силы могут действовать в случае зависимости от траектории движения общества и экономики в целом. Но я полагаю, что институциональная зависимость от траектории движения не выражается в возрастающей отдаче тем же способом, как при технологическом изменении. Столь же мала вероятность событий, типично меняющих траекторию институциональных изменений тем самым образом, как это, по Артуру и Дэвиду, происходит с технологиями. Я утверждал, что сетевые экстерналии, взаимозаменяемость и экономия от масштаба являются источниками институциональной зависимости от траектории движения*. То, что здесь поставлено на карту, значительно больше, чем просто сегодняшний выбор, испытывающий влияние нынешних институциональных форм, уна-

* В обширной статье David (1988) творчески исследует разнообразие источников зависимости от траектории движения.

следованных от прошлого. То есть, существует нечто, касающееся путей эволюции институциональной системы, которые ограничивают выбор, чтобы сформировать долгосрочную направленность экономики. Я полагаю, что в качестве источников зависимости от направления движения особенно важны неформальные ограничения в виде норм, обычаев и правил поведения, которые имеют глубокие культурные корни. Уже существовало убедительное исследование культурных ценностей, поведенческих мотивов и экономических действий, но мы сами только что начали такое исследование**.

То, каким образом институты влияют на трансакционные и трансформационные издержки, поставило перед нами проблему выполнения обязательств. Несмотря на то, что Shepsle (1991) точно заметил, что достоверное обязательство не является панацеей для решения проблем развития; уменьшение неопределенности в экономическом и политическом обмене, возможно, является центральной исторической проблемой, влияющей на экономический рост. И я полагаю, что это центральная проблема при создании условий, которые будут сегодня благоприятствовать росту экономик Центральной и Восточной Европы. Неопределенность, возникающая из-за невыполнения обязательств, проявляется предсказуемым образом – особенно при отсутствии рынков, таких, как рынки капитала, которые требуют обезличенного обмена, и при устремлении туда экономической деятельности, которая может быть построена на обмане. Результатом как при отсутствии, так и при наличии обмена являются высокие трансакционные и/или трансформационные издержки.

Каким образом институты могут сделать возможными достоверные обязательства? В случае экономических институтов – прав собственности – достоверные обязательства могут быть обеспечены беспристрастным принуждением посредством органов правосудия и других правительственных учреждений. Но как изначально установить эти права и как обеспечить беспристрастное принуждение? Это такое государственное устройство, которое является проблематичным. Предлагаемые решения варьировались, начиная с ограничения свободы действий правительства и заканчивая созданием норм поведения, которые передают функции принуждения от правительства экономическим агентам. Первое пока, в лучшем случае, несовершенно. Если правительство обладает властью для охраны прав собственности, оно также обладает властью, чтобы действовать в интересах фракций, – используя удачный термин Мэдисона. И вмешательство правительства, по Мэдисону, далеко от идеала, как свидетельствует история пятой поправки – заманчивого предложения. И мы просто не знаем, как достигнуть второго, даже если мы наблюдаем разнообразие неформальных норм, которые именно это осуществляют.

** Для текущего обзора такой литературы с интересными гипотезами о взаимосвязи между культурными убеждениями и экономическими результатами см. Greif (1991).

Концепция транзакционных издержек применительно к политическим рынкам говорит об источниках возникновения трудностей выполнения обязательств на этих рынках. Транзакционные издержки – это издержки, связанные с измерением и реализацией соглашений. На экономических рынках такие издержки включают измерение физических и правовых параметров товаров и услуг, а также действий экономических субъектов. Несмотря на то, что такие измерения часто бывают дорогими, физические параметры имеют объективные характеристики (размер, вес, цвет и т.д.), а параметры прав собственности определяются в общепринятых юридических терминах. Решающую роль в снижении издержек реализации играет конкуренция. Система правосудия обеспечивает беспристрастное принуждение. Даже если это так, на протяжении истории и в современном мире экономические рынки часто являются весьма несовершенными, стесненными высокими транзакционными издержками и определяемыми институтами, которые порождают стимулы, работающие против экономической эффективности. Фактически, ключом к созданию продуктивной экономики являются институты, которые обеспечивают низкие транзакционные издержки, однако они представляют собой государственное устройство, которое определяет и реализует права собственности.

Политические рынки гораздо более склонны к неэффективности. Чрезвычайно трудно измерить объект обмена и вследствие этого, принудить к выполнению соглашения. Объект обмена – это предвыборные обещания в целях приобретения голосов. Поддающимся наблюдению параметрами обещаний являются соглашения между избирателями и их представителями (при демократии), между самими представителями, между представителями и исполнительной властью и др. Новая политическая экономия снабдила нас тщательно разработанными моделями методов, с помощью которых институциональные структуры конгресса и его комитетов снижают издержки измерения и реализации в таких условиях (Weingast, Marshall, 1988). Но транзакционные издержки при взаимодействии между избирателями и представителями, а также между представителями и посредниками воздействуют на политику значительно сильнее. Могущественная роль, которую играет на экономическом рынке конкуренция, здесь гораздо менее эффективна. Оружием избирателей являются периодические выборы, на которых представитель может быть призван к ответу, а кандидат от оппозиции имеет стимул к обнародованию его недостатков. Однако, как показывают выборы в Конгресс, это очень ненадежный инструмент. Из множества простых в измерении и важных для избирателя вариантов хорошо подходит политика, чем-то напоминающая модель рационального выбора новой политической экономии. Этому критерию соответствуют трансфертные платежи. Однако решающей причиной, влияющей на долгосрочные результаты функционирования экономики и политики, являются сложные, подверженные противоречиям теории, которые не могут быть вы-

ражены в доступной информации, даже если избиратели имели стимулы к инвестициям в информацию.* Вступают в действие идеологические стереотипы и дают почву для выбора в таком контексте, который напоминает мне модели рационального выбора.**

VIII

Мы никогда не приходим к пониманию сути дела с помощью моделирования выбора – и особенно выбора в государственной системе, – пока не предпримем серьезного исследования восприятия разумом информации и того, как разум интерпретирует эту информацию. Несомненно, эта тема должна стать актуальной в исследованиях ученых, которые считают институты важными, поскольку в мире ее величества рациональности институты не нужны. Само существование институтов как реального ограничения выбора противоречит упрощенным моделям рационального выбора. Институты существуют для уменьшения неопределенности во взаимодействии между людьми именно вследствие ограниченной информации, которой мы владем для оценки последствий деятельности других людей, и ограниченности моделей, которыми мы располагаем для объяснения окружающего мира. Как заметил Simon:

“Если мы принимаем величины как данные и постоянные, если мы принимаем без доказательства объективное описание мира, каким он действительно является, и если мы предполагаем, что способности к расчетам лиц, принимающих решения, не ограничены, то из этого следует два важных вывода. Во-первых, мы не нуждаемся в разграничении реального мира и представлений о нем лиц, принимающих решения: они представляют его таким, какой он действительно есть. Во-вторых, мы можем предсказать выбор, который будет сделан рациональным субъектом, принимающим решения, полностью на основе наших знаний о реальном мире и без знаний об их представлениях или способе подсчета (Мы должны, конечно, знать его функцию полезности)” (Simon, 1986. P. 210).

Величины непостоянны; не существует объективного описания мира таким, каким он является в действительности; и несмотря на то, что когнитивный научный подход обнаруживает, что разум является чрезвычайно адаптивным и созидательным “инструментом”, его способности к расчетам строго ограничены.

* Для превосходного изучения политико-экономической истории, т. е. впечатляющего обвинительного заключения постулатам рационального выбора и большей части последующих моделей политической экономии, смотрите исследование политической экономии сахара в Соединенных Штатах в период с 1934 по 1987 гг., проведенное Анне Крюгер (Anne Kreuger, 1991)

** О недавней дискуссии об идеологии и голосовании смотрите: Downs, 1957. Более детально об аргументах, приведенных в этом очерке, смотрите: North, “A Transaction Cost Theory of Politics”, 1991.

Для проблемы рациональности существует нечто большее. Часть объяснений зависимости от направления движения должна исходить не только из тех способов, которыми институты ограничивают альтернативы, но и из способов понимания, которые в той же степени ограничивают выбор. Сложность взаимодействия между институтами и менталитетом игроков порождает движение вспять. Несомненно, последние 70 лет, в течение которых экономическую и другую политику в большой части мира формировала коммунистическая идеология, были бы убедительным доказательством степени влияния идеологических представлений на выбор.

IX

Подведу итог особому алгоритму исследования:

1. Когнитивная наука прошла долгий путь моделирования того, каким образом разум и мозг воспринимают, накапливают, обрабатывают и интерпретируют информацию, однако здесь не было, насколько мне известно, серьезного исследования роли, которую в этом процессе играют институты. То есть, ученые когнитивного направления были поглощены исследованиями способов, с помощью которых разум и мозг пытаются “извлечь смысл” из окружающего. Извлечение смысла состоит в эмпирическом познании, порождающем менталитет, которым располагают индивиды, и поэтому служащем источником совершаемого индивидами выбора. Разный опыт будет порождать разный менталитет и, следовательно, разный выбор. Однако существует сложное (и слабо понимаемое) взаимодействие между культурным наследием, которое является источником большинства полученных ранее сведений, формированием вытекающих из него менталитетов и возникшими в результате конкретными институтами. Если мы согласны с утверждением, что институты существуют для того, чтобы уменьшать неопределенность во взаимодействиях между людьми, то они, очевидно, являются продолжением менталитета, в котором воплотился человеческий разум, чтобы интерпретировать окружающий индивида мир. Ясно, что имеется связь; исследование сущности этой связи будет важнейшим шагом к лучшему пониманию формирования институтов.*

2. Чтобы дать нам объяснение живучести неудачных экономических и политических действий, которые характерны для большинства экономик в историческом плане и в настоящее время, будет начат анализ политических рынков в рамках концепции трансакционных издержек, которая учитывает

* Рональд Хайнер в серьезном исследовании (Ronald Heiner, 1983) устанавливает связь между способами, с помощью которых разум пытается решать проблемы, и существованием институтов. О превосходном синтезе литературы по когнитивной науке смотрите Холланда и др. (Holland et al, 1986) и, в частности, о литературе по параллельно классифицируемой обработке информации – Кларка (Clark, 1989).

неполную информацию и менталитет игроков, а также зависимость от направления движения в эволюции институтов. Концентрация талантливых людей в области новой политической экономии в государственной системе Соединенных Штатов является не только неправильным распределением ресурсов, но и не позволяет понять большинству игроков ограниченность моделей рационального выбора. Мгновенно сменившаяся картина государственных систем третьего мира была бы целительным лекарством.

3. Нам необходимо изучить, каким образом возникают и исчезают нормы поведения, и каково их отношение к культурным нормам? Мы также должны изучить, как они взаимодействуют с формальными правилами и влияют на экономическую деятельность.

4. Исследование зависимости от направления движения должно не только выяснять, что это за институты, которые сдерживают выбор двигаться назад, но и то, как в этом процессе взаимодействуют институты и менталитет игроков.

Дальнейшее развитие этого алгоритма исследования не только обеспечило бы нас значительно усовершенствованной концепцией для лучшего понимания истории, но и дало бы прочную основу для осуществления политики реструктуризации экономик Восточной Европы – деятельности, которая свидетельствует о тягостных последствиях нашего игнорирования этих проблем.